

Люди перестают мыслить, когда перестают читать.

Кубанский писатель

Д. Дидро

№ 7 (50)

ИЮЛЬ
2011 года

Ежемесячная литературно-просветительская газета Краснодарского краевого отделения Союза писателей России. Выходит с 2005 г.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Николай Иванович Ситников, поэт, член Союза писателей России, получил диплом лауреата литературного конкурса лирической поэзии «Посох и лира» (Большой финал-2011) в номинации «Я никогда не верил миражам» за стихотворение «Человек — царь и Бог».

ПАНОРАМА

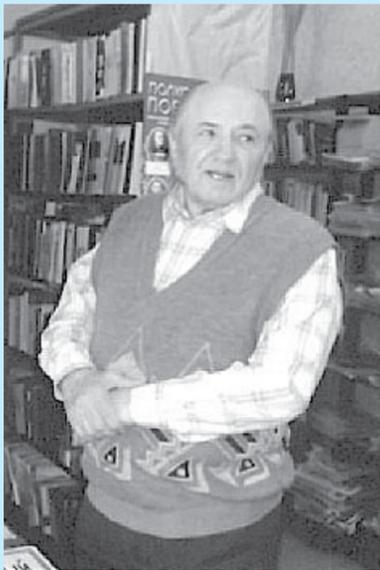
● В Забойской сельской библиотеке прошла встреча с земляком, членом Союза писателей России, прозаиком Александром Мартыновским. Самые активные читатели собрались в библиотеке. Все они члены клуба книголюбов «Собеседник», который существует с 1985 года. Традицией стало приглашать на чашку чая интересных людей, прежде всего, литераторов. А первая книга Александра Дмитриевича «Трудное поле» как раз о забойчанах. И, конечно, его помнят и любят в посёлке.

Совсем недавно на заседании клуба обсуждалась его книга «С блоком по жизни». А ранее с восторгом узнавали сельчане своих земляков в персонажах рассказов «Последняя осень», «Красные туфельки». Прототипы героев присутствовали на встрече с писателем, что придавало ей особую теплоту.

Александр Дмитриевич с интересом выслушал поселковские новости. Познакомился с главой администрации Л.В. Андросенко, отметил, как понравилась ему библиотека, «живой журнал», где собраны отзывы читателей о прочитанном. «Народный архив» и музейную экспозицию он пополнил новыми экспонатами в разделе «Знаменитые земляки». Был приятно удивлён тем, что благодаря спонсорской поддержке В.Т. Слюсаренко библиотека располагает подпиской на 34 издания! И потому посёлок смело можно назвать одним из самых читающих.

Разговор с писателем то и дело прерывался воспоминаниями. Ведь на встречу пришёл и друг его юности, (А. Мартыновский в молодые годы работал в посёлке механиком), Василий Олейник.

Обсуждались на встрече и сюжеты рассказов писателя, звучали его поэтические строки.

И. И. ЗАВГОРОДНЯЯ,
заведующая библиотекой посёлка Забойского

● В московском издательстве вышла новая книга известного русского критика и публициста Владимира Юдина «Родина — всему начало». В книге рассмотрены острые проблемы современной социально-политической жизни России, анализируется творчество выдающихся русских писателей: Анатолия Иванова, Валентина Пикуля, Вадима Кожинова, Петра Краснова, Владимира Максимова, Романа Гуля, Ивана Шмелёва, Григория Климова, кубанских писателей и поэтов, а также исследуются корни русофобии, проблемы российского образования, науки, культуры.

Стоимость книги 150 рублей. Заказы выполняются с предоплатой по адресу: 170005, г. Тверь, а/я 529, Юдину В.А.

Из поэтической тетради
Сергей Хохлов

Если ты спросишь...

Если ты спросишь, где мы живём?
С высот соколиных глянь —
Раздвинув горы, взлохматив степь
Кружит река Кубань.

И зори, и молнии в ней слились,
В ней мир отразился весь:

И наша доблесть, и наш порыв,
И наша казачья честь.

А чем он красен, казачий дом?
Сам разглядишь потом:
Верной женой, горячим конём,
Гурьбой казачат притом.

А как велика казачья земля?
На Божью вершину встань —
Налево Волга, направо — Днепр,
А посредине — Кубань.

ПАНОРАМА

ПРЕЗЕНТАЦИЯ НОВОЙ КНИГИ

Вышла в свет книга стихов известного анапского поэта, члена Союза писателей России Сергея Куприяновича Зубарева.

Долго был путь к этой книге. Сомнения до сих пор одолевают Сергея Куприяновича. Это состояние — постоянного сомнения — отличительная черта настоящего поэта. Некоторые, написав что-то не столь значительное, всё же считают это стихотворением. «Проходящее...», — говаривает один из наших мэтров. А вот у Зубарева нет «проходящих» стихов. Требовательность к собственным произведениям возрастает настолько высоко, что иногда кажется чрезмерной.

Итак, в издательстве «Нюанс» г. Таганрога была отпечатана книга в твердом переплёте, с названием «Душа, как выжженное поле» со стихами, написанными поэтом в разные годы.

В Центральной библиотеке города-курорта Анапа состоялась презентация книги, на которую пришли любители поэзии и приехали гости из Москвы и Кореновска. Из Кореновска приехал известный российский поэт, секретарь правления СП России, лауреат Большой литературной премии России Николай Александрович Зиновьев. Он давний друг С.К. Зубарева, он же написал во вступительном слове к сборнику: «Берите, читайте, наслаждайтесь чистым чувством, выраженным таким же чистым русским языком». Такие слова многого стоят!

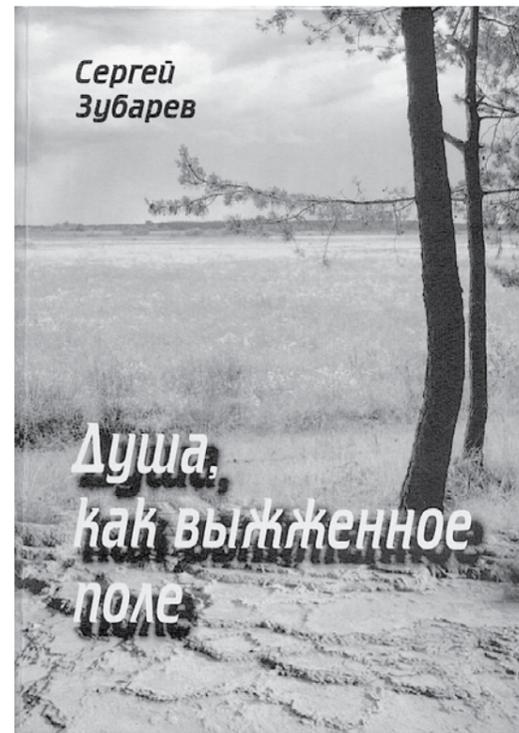
Из Москвы приехали Панкова Алла Васильевна — директор Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей России, Ирина Викторовна Панкова — помощник депутата Госдумы 4-го созыва Нарочницкой Н.А. (известного политического деятеля, возглавляющей Фонд исторической перспективы)...

И гости, и автор сборника, подчёркивали: темы, на которые написаны стихи Сергеем Куприяновичем, самые разнообразные — о природе, о любви к женщине, о любви к жизни, о любви к Родине, философские... Но вот одно четверостишие, которое говорит о самом, пожалуй, важном:

...Вновь будешь укорять,
Что не умею жить:
Там надо бы соврать,
Здесь надо бы схитрить...

Вот понимание жизни, человеческих отношений, смысла всего, что мы делаем — Поэта с большой буквы Сергея Зубарева. Он придерживается правды, честности, чёткости и ясности, которые неизменно ведут к Истине. Он не захотел жить «Сложив лукавству гимн». Вот откуда исходит та самая ответственность за создаваемое, о которой я начал говорить вначале... И заканчивается его стихотворение опять-таки сомнением, но в этом сомнении очень большая твёрдость:

...Но только вот едва
Ли стану я другим.

И ещё — поэзия. Любовь к поэзии, к творчеству наполняют жизнь существование простого человека — Сергея Зубарева. Ведь ни его работа, ни условия, не имеющие ничего общего с литературой, никак не способствовали его творчеству! Он стал поэтом вопреки этим условиям! И это просто чудо — вот он, поэт, в рабочей спецовке! Душа его преодолела многое, чтобы прорваться к поэзии. Но это должно было произойти, потому что иначе он просто не может жить!

...Спаси меня, Поэзия, спаси!
От суеты, уныния и лени.
Как перед светлым храмом на Руси,
Я пред тобою преклонил колени...

Именно это заметил и оценил великий русский поэт Николай Зиновьев, и это уже больше одиннадцати лет стало дружбой его с Сергеем Зубаревым, который только в 2007 году был наконец принят в Союз писателей России. Вот почему стихи Сергея Зубарева захватывают читателя. Вот почему к Сергею Куприяновичу тянутся молодые авторы, советуются поэты в ЛХО «Парус»...

Александр ЕГОРОВ,
консультант ЛХО «Парус»

На снимке в центре Нина Александровна Зубарева, мама поэта, справа от нее Сергей Зубарев

Поэзия

Сергей Зубарев

Слово только оболочка,
Плёнка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.
Арсений Тарковский

...Бесшабашно судьбу искушать,
Издеваться над магией слова,
С дерзким вызовом вдруг наболтать,
Что и пьяный не скажет такого,

Над грядущим беспечно смеясь,
Загасить в сердце искорки страха
И не видеть фатальную связь
Между словом и смертною плахой,

Позабить обо всём, а потом
Вдруг проснуться в поту среди ночи:
«Ой, Судьба, зачеркни-ка всё то,
Что в стихах я своих напророчил».

СОН ХРАМА

Храм всё ещё в лесах,
Как связанный невольник.
Вздохнёт о куполах,
Взгрустнёт о колокольне.

А ночью снится сон
Желаниям подвластный,
В котором льётся звон
Малиновый да красный.

Вот кто-то входит в храм,
Чтоб тихо помолиться.
Внимает Бог слезам
На просветлённых лицах.

С души слетает ржа...
И лишь одно тревожит,
Что мало прихожан
Средь множества прохожих.

Была наливка хороша!
Искрилась ало.
И к разговору по душам
Располагала.

А после третьей повело, —
Эх, наливка-ка! —
И мёл язык, как помело,
Всё без утайки.

Хлеб, преломлённый пополам,
Посыпан солью.
И каждый не решался сам
Прервать застолье.

Один всю душу обнажал,
Всю без стеснения.
Другой, как видно, не добрал
До откровенья.

Он видел, что душа пьяна,
С ухмылкой слушал,
Но вот допил стакан до дна
И плюнул в душу...

Не я свой крест. А он меня
Несёт по жизни небывалой.
Николай Зиновьев

Вот кто-то псарям дал отмашку.
Те сразу спустили борзых.
Поэту приходится тяжко —
Душа и стихи нараспашку, —
За каждый достанется стих.

Борзые заходятся в лае.
Псари, те гогочут: «Ату!..»
Их щёки от гнева пылают.
Поэта ж судьба его злая
Навек пригвоздила к кресту.

В поэзии это не ново.
Стихи и с креста говори,

Круши равнодушья основы —
Борзые пусть давятся словом,
Пусть выблюют ругань псари!..

И боль души не превозмочь,
И душу стыд сжигает снова,
Когда ты ближнему помочь
В беде не можешь. Разве словом?

И вот, опомнившись едва,
Ты что-то шепчешь торопливо.
Но как найти в душе слова,
Что исцелить могли бы живо
И удержали у обрыва?

Н. Зиновьеву

Талант не блещет красноречием,
Слова не треплет на устах.
Он, возгораясь терпким вечером,
Весь проявляется в стихах.

В них и простор для мыслей истинных,
И чувства в них обнажены, —
Что умолкают вдруг завистливо
Речистые говоруньи.

СОБЫТИЕ

Литературное письмо Марьян Шейховой

Дочитал вашу книгу «Диалоги с Данте» к трем часам ночи и не могу уснуть. Почему? Ведь все, о чем вы пишете, мне знакомо, обо всем этом уже написано. Да ведь и Кавказ столько раз воспет и оплакан в литературе! И сделано это многими поэтами и писателями талантливо.

Но признаю, что такие леденящие душу строки, какие у вас есть о Беслане, читать не приходилось. О том, как мать узнает останки сгоревшего ребенка по его зубам; точнее, остались одни зубки, которые она перебирает и узнает каждый из них.

Недавно у нас на ученом совете соискатель защищал диссертацию, вызвавшую дискуссию о перспективах развития жанров трагедии и комедии. В своём выступлении защищал тезис о бесперспективности этих жанров в современных условиях. Причина в том, что современная российская жизнь стала для них непреодолимым конкурентом. Ныне она столь драматична (что, увы, многие не понимают), что ни у какого Софокла в Греции, и ни у какого бы Шекспира в Англии не хватило бы фантазии на более драматические сюжеты. В то же время другой своей стороной наша жизнь настолько комедийна, смешна, что никакой Аристофан в Греции, и никакой Гоголь в России не смогли бы ее пересмеять. И хлебниковские смехачи не справятся. Карнавализация всех сфер жизни и сатанизм ее стали причиной вырождения литературы и театрального искусства. Нас окружают бездарные книги, бездарные спектакли... Осенью прошлого года в Санкт-Петербурге я попал в Александринский театр им. Пушкина на «Дядю Ваню». Режиссер и актеры, желая оживить дядю, пустили в ход массу световых и шумовых эффектов, неоднократно забегали в зрительный зал. Грустно было смотреть: не выдержал и ушёл до звонка. А ведь такой спектакль предлагается в культурной столице страны!

Вспоминая всё это, я наконец в 4-м часу ночи понимаю, почему мне не спится после вашей книги: я встретился с художественным произведением, переигравшим саму жизнь. По двум критериям узнаются такие произведения. Во-первых, они формируют у нас образы более выразительные, чем те, которые формирует реальность. Нам, людям, ведь не дано непосредственно знать действительность: мы знаем о ней по нашим ощущениям, восприятиям и представлениям. Звук и цвет — явления нашего субъективного мира, а в объективном мире за ними скрываются воздушные и электромагнитные волны. Мир звуков и цветов существует только в нашем сознании. Литература и искусство на нас

действуют тоже через ощущения, восприятия и представления, и только тогда, когда образы, создаваемые ими, выразительнее, художественно сильнее образов, создаваемых окружающей нас реальностью — тогда литература и искусство переигрывают саму жизнь. Тогда они создают образы, становящиеся реальнее самой реальности; они — образы литературы и искусства — создают мобилизующую человека картину мира. Вы, конечно, помните, как литература стимулировала деяния отдельных людей, этносов, народов, как «Страдания юного Вертера» стали катализатором Великой французской революции, как «Хижина дяди Тома» провоцировала войну Севера и Юга в США. Примеров огромное множество, но один не могу не упомянуть. Было это в Древнем Риме, когда после гражданской войны к власти пришел один из самых блистательных правителей — Октавиан

Август. Ему достались разоренная войной страна и развращенный бездельем и междоусобицей народ. Мудрый Октавиан через своего друга Мецената заказывает Вергилию поэму о сельском хозяйстве. По такому заказу написанная Вергилием поэма «Георгики» действительно способствовала возрождению и развитию сельского хозяйства в Риме. Она создала настолько привлекательную картину сельского образа жизни, что люди захотели вести этот образ жизни и заниматься сельскохозяйственным трудом. К тому же автор дал в поэме много конкретных полезных советов по ведению сельского хозяйства.

В художественной галерее «Сантал» прошла встреча с дагестанской поэтессой Марьян Шейховой. Автор поэтических сборников «Ангелы во крови» (2006), «Наедине с морем» (2009), «Диалоги с Данте» (2010), «Ангел на кончике кисти» (2011), сборника публицистических и литературно-критических статей «Испытание свободой»

(2009) Марьян живёт в Махачкале. Она лауреат премии имени Р.Гамзатова, дипломант конкурса Януша Корчака, победитель международного литературного конкурса «Золотая строфа-2010», профессор кафедры русского языка и литературы, зам. министра образования и науки РД, член Союза российских писателей, Союза журналистов РФ. Уже само это перечисление говорит о том, сколь талантлива и широко образованна поэтесса из Дагестана. Члены общественного совета при краевой писательской организации супруги Алексей и Алла Рыбалко вместе с председателем совета и директором художественной галереи «Сантал» Ниной Стрижовой помогли краснодарцам познакомиться с творчеством Марьян Шейховой. На встрече присутствовали литераторы, художники, общественные деятели.

Однако вернуться к теме. Ваш талант сделал художественно выразительными явления разные по своей социальной сути и значимости:

- и сбор винограда в Дербенте,
- и аулов лакских имена,

- и путешествие русской учительницы на Кавказ,

- и диалоги с Данте. Теперь укажу вторую особенность подлинного художественного творения. Бездарные творения пытаются самоутвердиться, покусаясь на социально значимые ценности, а талантливые их утверждают. И даже когда они низвергают одни, то непременно утверждают другие.

С высоких гражданских позиций вы ставите точный диагноз нашему обществу: « - Увы, романцы, мерзость вырождения Стучится в окна дремлющей страны. Нефть под землей еще полна брожения, И закрома еще даров полны... Страна растаскана, сползают швы-огрехи Решений мудрецов. Латаются прорехи Наследия отцов. Портные им верны. Увы, романцы, мерзость вырождения К вам хлынула нашестием даров От общества свободы потребления».

Вначале название вашей книги мне показалось дерзким. Какие могут быть диалоги с Данте, с гением. Конечно, вы не вступаете в соперничество с Данте, а используете его поэзию как кремень, о который огниво вашего таланта высекает искры подлинной поэзии.

«Вы дали мне статью больше, чем собой, суровый Данте, всезнающий Вергилий» - пишете вы, и я полностью согласен с тем, что в «Диалогах» вы превзошли саму себя и представили читателю поэзию высокой пробы.

Если еще возможны такие литературные явления, то у нас не все потеряно. Главное — это произошло не в литературной Москве или Ленинграде, а в далеком от них Дагестане. Хотя тут я не прав. Дагестан не только Запад, но и Восток. А ведь не кто-нибудь, а сам Гёте говорил, что на Востоке (он кивал в сторону Персии) найдется дюжина поэтов, талантливей его, Гёте. Он не кокетничал. Величайший западный поэт констатировал удивительный культурный феномен — поэтическую недостижимость Востока. Проблемы перевода до сих пор еще не решили до конца вопрос приобщения к его шедеврам западного читателя. Поэтому появление на Кавказе, в частности в Дагестане, талантливых поэтов — явление исторически генетически закономерное. А талантливый кавказский поэт был одновременно и талантливым русским поэтом (Р.Гамзатов и др.), как, впрочем, и наоборот: талантливые русские поэты были и кавказскими поэтами (прежде всего А.Пушкин и М.Лермонтов).

Я хочу поздравить и Кавказ и Россию с появлением талантливого поэта — Марьян Шейховой.

А.Хагров

Указатели, таблички, ценники, вывески и объявления ведут нас по жизни, не позволяя свернуть не туда. Сделать что-то не то. Ведь все написано. Как для тупых. Надо только внимательно читать и следовать.

Воткнута на краю пашни табличка «МИНЫ!» - значит не лезь! Не лезешь же на столб с табличкой «НЕ ВЛЕЗАЙ – УБЬЕТ»? Потому что знаешь – убьет. Если не ток, так электрик. Они же предупреждали... Вот и сюда не лезь – мины! Какие мины? О чем это вы? Мы что, опять на войне? На какой? На той? На этой? Или новая началась?

Не морочьте голову! Какая может быть война? Просто заминировали все вокруг. Вон, видите, там, на краю поля, трактор в рапсе гусеницы разметал? И в телогрейке кто-то спит после подрыва. Воткнута же табличка «МИНЫ!» - значит не лезь! И потом зачем вам такие подробности? Вы что, шпион?

Я все понимаю. Только порой понять не могу. Если на тюбике написано «ЗУБНАЯ ПАСТА ДЛЯ ЛЮБЫХ ТИПОВ ВОЛОС», а на флаконе «ОДЕКОЛОН ПИТЬЕВЫХ СОРТОВ» – так это что, походные композиции? Армейские разработки?

А подозрительные объявления вокруг? «ГАДАНИЯ СОЛОМОНА, ОЧИСТКА ЭНЕРГИИ». И телефон. На месте органов я бы поинтересовался. Если они там очищают энергию, то, возможно, смогут обогатить и уран?

Хорошо, когда объявления предупреждают: «БУДЬ ОСТОРОЖЕН, В ОБА ГЛЯДИ, ЕСЛИ ПО ГОРОДУ МЧИТ «АУДИ!»» Ну и правильно, гляди у нас. Ты вроде как прогуливаешься по пешеходному переходу, а они торопятся.

Лаконичные строгие объявления нам понятны. Как команды: «СТОЙ!», «ТУДА».

Владимир Цимбалистов

ГАДАНИЯ СОЛОМОНА

«СЮДА», «ПОДАВАТЬ В РАЗВЕРНУТОМ ВИДЕ!», «НЕ ВХОДИТЬ!», «ТОЛЬКО ДЛЯ СОТРУДНИКОВ!» Мы с ними выросли, к ним привыкли, и они нас не пугают.

А вот когда на тебя выкатывает огромный внедорожник с колесами в человеческий рост. И на черном лобовом стекле пропуск «ВСЮДУ!», ты невольно задумываешься. Как это всюду? Что, и ко мне? Вот этими колесами в человеческий рост – ко мне?

Да, и к тебе. У него же написано «ВСЮДУ!» Жди! Возможно, заедет и к тебе.

Некоторые вывески ставят в тупик. «ТОВАРЫ ДЛЯ ЖЕНЩИН И БОЛЬНЫХ». Это что, скрытая дискриминация или прямое оскорбление? Но заходить не стал. А вот в «ЭЛИТНОМ СЕКОНД ХЭНДЕ», сегодня «ЛЮКСОВСКАЯ РАСПРОДАЖА».

Газету разворачиваю, а там вот такими буквами, с ладонь, написано: «В ЗАКЛЮЧЕНИИ ГЛАВА ГОРОДА СКАЗАЛ...» Ну, думаю, слава Богу, посадили. Быстренько заметку прочитал. Ничего не понял. Так посадили его или нет? В заметке он угрожает то ли вернуться, то ли продолжить обустривать. А это ещё хуже, чем вернуться. В фотографию всматриваюсь – ничего не

пойму. Сами знаете, по унылым пейзажам нашим и не определишь, там уже человек или ещё здесь. Его уж давно к себе Магадан в гости зовёт. А из газеты непонятно, добрались ли?

На рынке придорожном объявление: «ПИРОЖКИ КОНДЕ КОНЧИЛИСЬ. ЕСТЬ ПИРОЖКИ ХОТ ДОГ». А за объявлением радостно улыбается корейский гастарбайтер. Похоже, и не объявление это вовсе, а рецепт.

Здесь же шампунь с оптимистической надписью: «ГОДЕН ДО 3000 ГОДА». Чего уж мелочиться – делать, так на века!

А ценник, где фломастером полуграммовая продавщица вывела «НАПИТОК ТРАХУН»? Ведь умом понимаешь – ошибка! Но другими частями тела – нет. Вдруг подействует? И покупаешь, и пьешь этот напиток цвета и вкуса шампуня, годного до 3000 года, и надеешься, и ждёшь...

А как вам нравится надпись у бювета: «ЗАПРЕЩАЕТСЯ МЫТЬ У ИСТОЧНИКА ЛИЦО, РУКИ, НОГИ И ДРУГОЕ»? Что другое? Нельзя ли поподробней? Другому это вредит? Не валяйте дурака, отвечают мне, там все написано. И как это возможно вообще? Хотел бы я посмотреть на тех, кто

это самое другое примется мыть в питьевой галерее.

А чего стоит «РЕКЛАМА НА ДОРОЖНЫХ ЗНАКАХ»? Думал, шутка. Нет, на самом деле. Ездить стало невозможно. Не разгонишься. Только рывками. От знака к знаку. То телефон нужный записать, то на модель человека посмотреть. Там на «уступи дорогу» такие титьки, а на «проезд запрещен» - такие ножки. А вы поезжайте, посмотрите, что у них там на «остановка запрещена»... Наверное, это гаишники специально придумали, чтобы мы в конце концов все знаки выучили.

С трассы съехал в лесок, на поляне мангал разложил, мясо жарю. Природой наслаждаюсь. Ромашки вокруг. Птички поют. Пчелки над ромашками жужжат. А над пчелками небо голубое бездонное. Красота! Пошел в ромашки за хворостом, а там знак «СТОЙ! СТРЕЛЯЮ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!» Как это, без предупреждения? За что? Веткой хрустнул, а в ответ – пулеметная очередь. Так ромашки и покосила. Упал на землю. Затаился. По темноте выполз из-под обстрела на запах сгоревшего шашлыка. Руки трясутся, губы дрожат. Кто? За что? Почему в меня стреляли? Что, война?

Так, это опять вы? Не морочьте голову! Какая может быть война? Просто стреляли. Вон, видите, там, на краю поляны, пулеметное гнездо? И в телогрейке кто-то спит у пулемета. Воткнута же табличка «СТОЙ! СТРЕЛЯЮ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!» – значит не лезь! И потом вы постоянно требуете подробности? Видимо, вы всё-таки шпион? А нашим все понятно. Ведь все написано. Как для тупых. Надо только внимательно читать и следовать. Читать и следовать.

Голоса России

Кавказ

Заброшенной дорожкой по кромке,
По желтой насыпи мы влезли на откос.
И встал Кавказ — гигантские обломки
Когда-то рухнувших с небесной тверди
звезд.

И были тенью плотно покрыты
Ущелья дикие в нетронутых лесах,
Где по камням корявые самшиты
Шли в моховых зеленых торбасах.

Нам было видно с плоской седловины:
Вдали хребет был четко огранен
И изнутри светился млечно-синим,
Тревожным, странным, неземным огнем.

То угасал, то вспыхивал кроваво;
Казалось, шла гроза внутри горы:
Звезды погибшей сердце дотлевало
Под тяжким спудом каменной коры.

Сгушались сумерки, и будто бы на сцену
Водитель звезд, познавший все пути,
Выстраивал над нами постепенно
Гигантский хор сияющих светил.

И черным ветром из ущелий дуло,
И звери слух острили из ветвей.
А горы отвечали низким гулом
На песни древней родины своей.

Море

От сочащего мед и смолу Уч-Дере,
Где, проснувшись едва поутру,
Пробираются сосны на мыс посмотреть,
Как их тени уходят ко дну, —

До седой Головинки, чей гребень тугой
За века источила вода, —
Море дивною рыбою бесхрящевой
Плавниками поводит едва.

Выгибается, силой стальной налит,
Горизонт — ее мокрый хребет.

Марина Котова

Марина Ананьевна Котова родилась в г. Дзержинске Нижегородской области. Окончила филологический факультет Нижегородского университета и Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького.

Печаталась в журналах «Наш современник», «Москва», в «Литературной газете» и др. Автор трех книг стихов. Лауреат Всероссийской премии «Традиция», журнала «Москва» за цикл стихов «И что мне тишь медлительная вод», Всероссийской литературной православной премии им. святого благоверного князя Александра Невского.

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

Сквозь прозрачное, зыбкое тело сквозит
Золотыми зигзагами свет.

Что за мысами, слева и справа, бог весть.
Вряд ли то, что мне атлас открыл.
Иногда мне мерещится: стянутый здесь,
Там — скалой обрывается мир.

И Господь мне оставил лишь кромку земли —
Гор, разрушенных смерчами, прах,
Где купальщицы, в ящериц обращены,
Цепенеют на жарких камнях.

Шторм приближается

Не устояла — был силен удар.
Вал оглушил и зренья отуманил.
И вновь тугая, мускулистая вода
Вздыхается зелеными холмами.

Но мощь прибоя все же поборов,
Все в черном крошеве — морской
кофейной гуще, —
В осколках волн, под скрежет, гул и рев
Встаю в бурунах, пеною цветущих.

Я рвусь на глубину, на зыбкий склон,
Бороться с морем, как с гигантским спрутом,
Не только ради радости минутной —
Ввысь вознестись на гребне водяном.

Когда преодолеть сумею страх,
Я силу жизни заключу в стихах.

Оплаканное мгновение

Я ногу занесла над каменной ступенью —
И болью вдруг во мне отозвалось:
Вот только что прекрасное мгновенье
Благоуханной влагой пролилось.

Все так же солнце раскаляло выси,
Висели сливы градом мелких лун.
И лишь острей запахла кипарисы,
Точа свою смертельную смолу.

О Господи! Как мало я умею,
Назначенное тленью существо!
Мне даже не дано замедлить время,
Но дан мне дар оплакивать его.

В горах

На зное сухо, остро пахнут кипарисы,
Доносит ветер слабый запах кизяков.
Проходят буйволы, рога склоняя низко,
Чтоб кучевых не ранили облаков.

Вокруг горбы земли в зеленых чашах.
В прогалах гор над шапками лесов
Синеет море в неподвижных чашах
Нерукотворных каменных весов.

И нет, не тяжесть красно-ржавых груш,
Не алыча, желтее меда с маслом,
Сгустившаяся солнечная сушь,
А время каплями висит в садах кавказских.

Горы в сумерки

Дорогой в сумерки уходят кипарисы.
Глаза, измученные блеском золотым,
С какой отрадой обозревают выси
И стелющийся по долине дым.

Я в полукружье гор. Зеленые теснины,
А дальше — темно-малахитовы хребты.
За ними — два горба — два горных
исполина

Молочно-синим светом налиты.

Идет от хвои красноватое свечение.
Вдыхаю воздух, теплой пахнущий смолой,
С тем чувством радостного облегченья,
С которым возвращаются домой.

Я — наследница древней прекрасной
земли,

И в стихах моих желтые дюны поют,
Шумно медленным золотом плещет залив,
Ищут с криками чайки добычу свою.

Копят в чашах цветы черный мед и дурман,
Сосны-солнцеклонники вдоль по реке
Славить свет по зеленым восходят холмам,
Увязая корнями в горячем песке.

В темнохвойных стихах есть глуши уголки, —
Есть где зверю укрыться и мудрой змее.
Чудо-лотос сквозь толщу озерной строки
Прорастает утрами в просоночной мгле.

О земля, драгоценный блистающий шар!
В твоём сердце — огонь! Дай мне силу огня!
Чтоб цветущую ветвь божественный дар
Польхал все пронзительней день ото дня!

Отзывается ливнем небес океан,
Блещут молнии в яростном шуме вершин,
Родниками стихи высекая из ран
Красотой с рожденья пронзенной души.

ЮБИЛЕЙ

БЕРЕГА ДАЛЕКОГО МИРА

Кто такой Калигула и что означает его имя?

Как погиб Катон?

Кого в Древней Греции называли «демагогами»?..

На эти и тысячи других вопросов нам, не задумываясь, ответит писатель Анатолий Гаврилович Ильяхов, большой знаток античной истории. Причем расскажет понятно, правдиво и обстоятельно, не упуская ни малейшей подробности, словно Эллада и Древний Рим – его родные края, а античные герои – его ближайшие друзья.

Оказывается, слово «вектор» – не только физический и математический термин. «Вектором» древние греки и римляне называли всадника, ездока, а также моряка и даже пассажира судна.

Мы иногда говорим: «Внести свою лепту»... И не задумываемся, что же это за «лепта» такая? А это всего лишь мелкая медная древнегреческая монетка, получившая свое имя от слова «лептон», что означает «легкий». Недаром современные учёные-физики назвали лептоном одну из наиболее лёгких элементарных частиц...

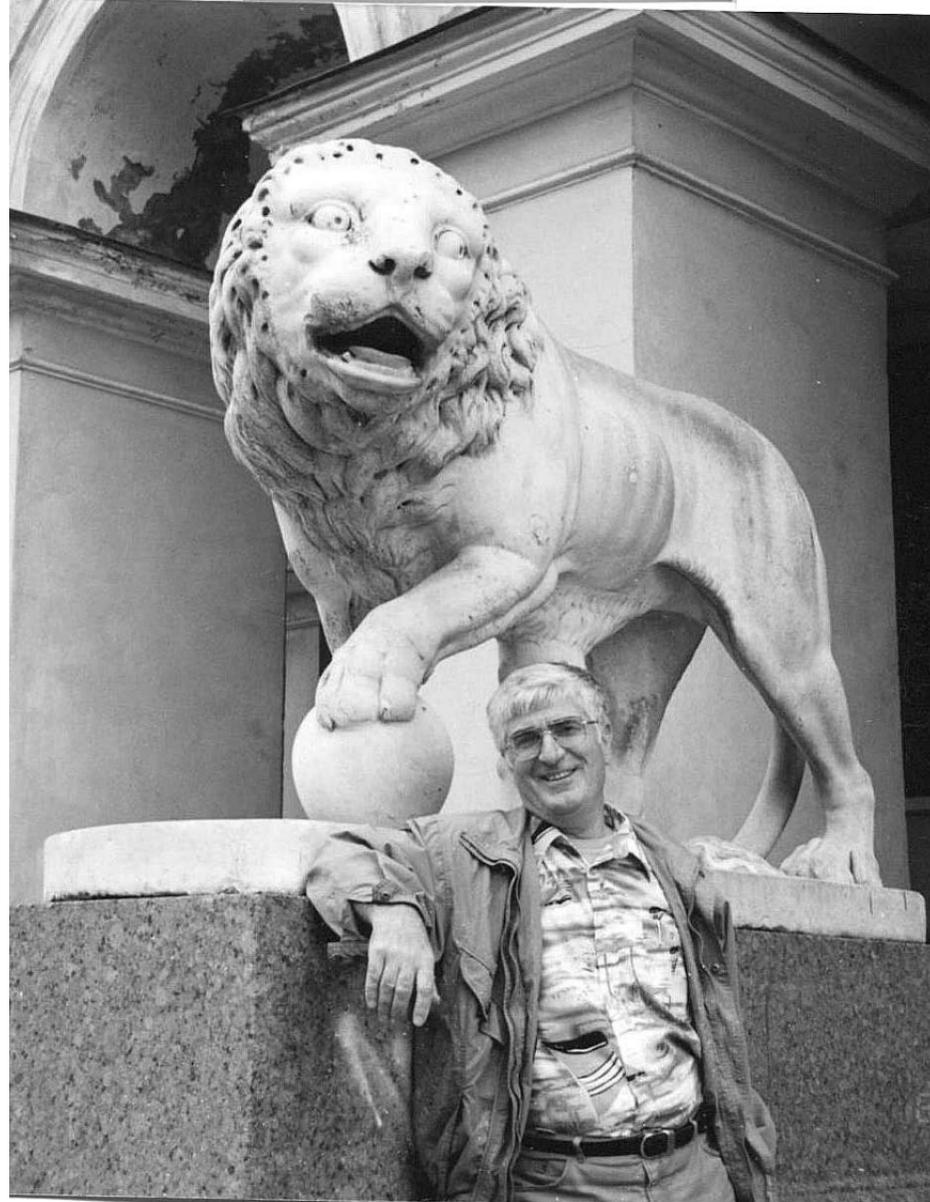
Читатели газеты «Кубанский писатель» хорошо знают и любят Анатолия Ильяхова. Ведь именно он является постоянным автором рубрики «Литературный запасник», благодаря которой нам стали понятны значения многих античных слов и выражений. Но главное в другом. Влюбленный в античный мир, писатель сумел зажечь своей любовью и нас. Именно он заставил своих читателей задуматься над словами древнегреческого историка Фукидида: «Все исторические явления будут повторяться всегда, пока природа людей будет оставаться той же».

Анатолий Ильяхов впервые появился в Краснодарском отделении Союза писателей России в 2007 году. Скромно представившись, он положил на стол четыре увесистые книги в ярких переплетах. Это были его произведения, недавно вышедшие в ростовском книжном издательстве «Феникс». Три книги были оформлены в едином стиле и представляли собой своеобразную серию: «Зевсу посвященные. Тайны древних олимпиад», «Эросу посвященные. Античные любовные истории», «Вакху посвященные. Секреты античной кулинарии, застолья и виноделия». Четвертая называлась: «Античные корни русского языка. Этимологический словарь». Вид такого количества книг, выпущенных серьёзным издательством, специализирующимся на публикации учебной и научно-популярной литературы, никого не оставил равнодушным. Все принялись рассматривать книги и читать отдельные отрывки. «Да ведь он – полный незнайка, сложившийся, писатель!» – воскликнул кто-то.

Справедливости ради надо сказать, что не всё в книгах Ильяхова вызвало безоговорочное восхищение. Заголовок этимологического словаря «Античные корни русского языка» кому-то показался странным. Невольно возник вопрос, каким образом русский язык, уходящий корнями в старославянский и церковнославянский языки, окончательно сформировавшийся только к началу XVII века, мог иметь «античные корни»?

Однако все отметили, что о большом и сложном периоде в истории человечества Ильяхов рассказывал легко, доступно, иногда с долей шутки, но не переходя, однако, ту незримую грань, за которой познавательная книга превращается в развлекательное чтение. В произведениях Ильяхова отсутствовало пустое красноречие, слова точно отражали мысль, а красота его стиля заключалась в чувстве меры.

Интерес Анатолия Гавриловича к античной истории не случаен: ведь в его жилах течет греческая кровь, так что можно сказать, что древние греки – его прямые предки. Он и сам похож на эллина – статный, с благородной сединой и классическими, словно вылепленными древним скульптором чертами строгого лица. Но в жизни он не так суров, каким кажется на первый взгляд. Оптимизм, тонкое чувство юмора,

постоянная готовность прийти на помощь, неподдельный интерес к людям – вот основные черты характера Ильяхова. Он неутомим в своей деятельности и неисчерпаем в идеях. «Я предлагаю поступить так... Давайте сделаем вот что...» – то и дело слышится от него на писательских собраниях и симпозиумах.

Слово «симпозиум» в данном случае можно применить в его изначальном смысле: symposium (лат.) – дружеская пирушка. Нет, не то пьяное застолье, на котором участники соревнуются между собой в количестве выпитого, громко спорят, сквернословят и перебивая друг друга. Древнеримский симпозиум – прекрасное, полезное и приятное собрание друзей за столом, где общий увлекательный разговор заставляет гостей забыть о присутствии на столе алкоголя, где звучат флейты, а поэты читают дифирамбы, где все счастливы и никто не чувствует себя забытым и обделенным.

Живи Ильяхов в античном мире, его непременно избирали бы симпозиархом – руководителем симпозиума. Должность непростая, не шуточная, как может показаться на первый взгляд. Именно этому вопросу Ильяхов посвятил немало страниц своей увлекательной книги «Пир мудрецов», где в его вольном пересказе собраны античные притчи, изречения и рассуждения...

В конце 2007 года, практически одновременно с выходом книги «Пир мудрецов», на общем собрании краснодарской писательской организации Анатолий Гаврилович был единогласно принят в члены Союза писателей России.

Иногда случается, что, получив вожделенный членский билет, писатель теряет интерес к общественной работе и избегает появляться в Союзе. Ильяхов без Союза

тербургском издательстве «Диля» вышла книга «Пир мудрецов», значительно переработанная автором.

Но самый большой успех пришел к писателю в 2010 году. Известное московское издательство «Астрель» выпустило этимологический словарь Анатолия Ильяхова «Античные корни в русском языке». Исправленная и дополненная новыми статьями, книга стала вдвое толще прежнего издания, кроме того, внимательные читатели сразу обратили внимание на то, что название, претерпев маленькое, неприметное на первый взгляд изменение, сделалось более точным.

Монументальный труд Ильяхова не прошел незамеченным в литературной и научной среде. Словарь высоко оценили ученые-историки многих научных учреждений, в том числе Кубанского государственного университета. Никто не мог поверить, что автор – обыкновенный любитель, не имеющий даже кандидатского звания.

Словарь Ильяхова обсуждался в Союзе писателей, на собрании писательского клуба. Автора искренне поздравили с высоким творческим достижением, но не обошлось и без критики. При пользовании словарем создавалось впечатление, будто собранные в нем слова пришли в русский язык непосредственно из Эллады и Древнего Рима, хотя на самом деле они были заимствованы гораздо позднее. Например, латинское слово «салют» (salutis) сначала было заимствовано французским языком (salut), а уже потом из Франции пришло в Россию. В подавляющем большинстве эти слова залетели к нам через «окно в Европу», прорубленное Петром Великим. Многим из них пришлось проделать долгий путь, прежде чем «навечно поселиться» в русском языке.

Но целью Ильяхова не было проследование этимологической цепочки того или иного слова. В словаре, появившемся в результате многих лет вдохновенного творческого труда, писатель «старался охватить все стороны античной жизни: историю, географию, политику, искусство, мифологию, медицину, философию...». Читателям был подарен не просто словарь, а увлекательный, неведомый мир античной жизни, с ее идеологией, культурой, мировоззрением, традициями. Произведения Ильяхова, посвященные античной истории, не являются сугубо научными – это, скорее, популяризация высокого класса, особый жанр художественной литературы, со своими особенностями, своими задачами.

Инженер-строитель, всю жизнь работавший по специальности в Краснодаре и за границей, Ильяхов сделал античную историю своей второй профессией. Или всё-таки первой? Из любителя-самоучки он вырос до настоящего мастера-профессионала. А читатели всегда тянутся к мастерам, в какой бы области они ни проявляли себя.

Античный мир, о котором мы, конечно, и раньше что-то знали, кое-что читали, казался нам великим, но бесконечно далеким и чужим. Его берега скрывались где-то за горизонтом нашего сознания. Анатолий Ильяхов сумел приблизить его к нам и убедил в том, что эллины и древние римляне – не окаменелые легендарные личности, а живые люди, со своими страстями и мечтами, что их поступки, достижения и ошибки дают нам бесценные уроки, которыми можно и нужно пользоваться в наше время.

Людмила БИРЮК,
член Союза писателей России

ЮБИЛЕЙ

Анатолий Ильяхов

ЗНАК ЗЕВСА

Отрывок из романа о жизни Александра Македонского «Царь Ойкумены*», над которым работает автор

357 год до н.э. Македония. Царь Филипп наконец объявился в Пелле*, что означало одно – на днях состоится его свадьба с Олимпиадой, дочерью царя дружественного Эпира*. Невеста прибыла сюда ещё два месяца назад, как оговорено брачным контрактом, но жених не спешил – он воевал во Фракии*.

Этой ночью к девушке долго не приходил сон: беспокоили мысли о предстоящей встрече с Филиппом; мысли тревожили и радовали, заставляли вздыхать и ворочаться на постели. А потом она будто провалилась в темную бездну... Когда открыла глаза, поняла, что всё-таки заснула, и тут же вспомнила, что видела странные видения, которые требовали немедленного толкования. Решила позвать нового халдея*, всезнающего толкователя снов и астролога Нектаба. Появился он при дворе недавно, но показался ей интересным: молчаливый и таинственный, мог ответить на любой вопрос. Помимо Нектаба поделиться своей тревогой Олимпиаде было не с кем.

Вошел Нектаб, склонил голову.

– Приветствую тебя, моя госпожа.

Олимпиада, еще сомневаясь, можно ли доверить постороннему человеку откровенную тайну, помедлила, затем решительно произнесла:

– У меня был ужасный сон. Ты сможешь его объяснить, халдей?

– Для этого я здесь, моя госпожа. – Нектаб склонился перед ней ещё в большем поклоне.

– Да, ужасный сон, потому что видела черное-черное небо, а с него на землю проливались сплошные потоки воды. Беспреданно полыхали ослепительные молнии, жутко громыхал гром. Мне было очень страшно. Особенно, когда молнии ударяли в землю или дерево и дерево вспыхивало огнем. Неожиданно молния ударила в моё..., в моё...

Девушка устыдилась произнести подходящее случаю слово. Нектаб проявил настойчивость:

– Не стесняйся, моя госпожа, говори, как есть. Я должен знать всю твою историю.

Олимпиада, пересилив смущение, повторила:

– Одна молния сорвалась с неба и неожиданно ударила в мое... чрево! Я даже почувствовала, как низ живота сразу охватил нестерпимый жар... Потом появилась боль, от которой проснулась... Но жар и боль продолжали ощущаться уже не во сне. И я заметила, что не владею ни руками, ни ногами. Через время всё прошло. – девушка с надеждой посмотрела на Нектаба. – Что скажешь, халдей?

Нектаб некоторое время молчал, его тёмное морщинистое лицо не выражало ни чувств, ни удивления, ни сомнений. Затем достал из-за пазухи небольшую дощечку эбенового* дерева с выложенными на ней знаками из слоновой кости, золота и серебра; на дощечке выделялись круги со значениями небесных светил: дневного – Солнца, и ночного – Луны. Вынул ещё кожаный мешочек, а оттуда – фигурки двенадцати зверей, к ним – семь блестящих камней, похоже, драгоценных. Выложив на таинственную дощечку, стал всматриваться в знаки, выискивая только ему ведомое, шептал неизвестные простому разуму слова. Олимпиада заметила, что лицо халдея посерело от внутреннего усердия, оно показалось ей даже жутким, глаза его налились кровью, закатились под седые всклокоченные брови. Она услышала странный низкий голос, будто бы идущий из утробы:

– О могучее Солнце, ты внутренний огонь тел, огонь природы!

Ты творец Жизни, тепла и возгорания, причина всего рожденного, потому что без тебя не было бы движения, существования и формы!

Ты необъятное, неделимое вечное и вездесущее!

Ты потребность в свете, потому что ничего нет более страшного, чем твое отсутствие!

Ты само бессмертие, потому что восстаешь с каждым восходом, умирая каждую ночь!

Ты проходишь через двенадцать небесных домов, оставаясь в каждом тридцать дней!

Я прошу тебя – дай мне объяснение сну!

Халдей разом затрясся телом, бледные губы посинели, в уголках появилась желтоватая пена, вместо глаз уже виднелись одни белки. Девушке стало жутко, она сжалась в комок, но желание узнать тайну пересиливало страх. К тому же Нектаб вскоре просветлел лицом, глубокие морщины на лице и на лбу разгладились. Он стих, но вид его всё равно был измученный, словно вернулся из дальнего и трудного путешествия...

– О, моя госпожа, – раздался покойный мягкий голос халдея, – прежде скажи год, день и час, когда ты родилась, – услышав ответ, Нектаб принял что-то вычислять, шевеля тощими губами, переставляя свои яркие камешки внутри кругов на эбеновой доске. Наконец, произнес:

– Я узнал, какой знак даёт тебе Небо через сон твой. Если позволишь, моя госпожа, я скажу.

Олимпиада в нетерпении замахала руками.

– Говори, говори, халдей!

– Тогда слушай, моя госпожа. Мой бог Амон-Ра, по-вашему, Зевс, даёт знать, что он выбрал тебя из достойнейших земных женщин. Бог посетит тебя в ночь твоей

свадьбы. Амон-Ра-Зевс – источник всех богатств на свете, самый могущественный из всех богов, но он иногда выбирает женщину, от которой у него рождается сын. Сына своего божественного Амон-Ра одаривает выдающимися способностями, отличными от возможностей простых смертных, чтобы он царствовал над народами, прославляя имя отца своего, бога Амона-Ра-Зевса.

Девушке показалось, что земля качнулась, она едва не потеряла сознание. Будто издали доносился голос Нектаба:

– Так и будет, моя госпожа: ты понесешь сына от бога, такова его воля! Ваш сын станет бесстрашным героем с орлиным взором, огненной душой и храбрым сердцем льва. В искусстве войны он превзойдет мужа твоего Филиппа, хотя македонский царь – неустрашимый воин. Ваш сын пройдет с войском до крайних границ земли, покорит Ойкумену, и все народы признают в нём своего царя. Люди будущих поколений узнают о нём по легендам, будут всегда удивляться его героическим подвигам. Такого, как он, никогда больше не произведёт на свет ни одна земная женщина.

– Халдей, твои слова вносят смятение в мою неисключенную душу, – со стоном произнесла девушка. – Как можно верить тебе, если в ночь свадьбы я возлягу с супругом моим Филиппом?

– Я не смею опровергать сомнения твои, госпожа. Можешь не верить. Но я обязан говорить то, что велит мой бог Амон-Ра. Я

его посланник. Он направил меня к тебе, и вот я здесь, чтобы быть рядом, помогать в родах и в воспитании сына твоего от нашего бога.

– Но разве Филипп, муж мой законный, откажется от прав своих в первую ночь? А если сын мой будет зачат не от супружеского семени, разве он признает его сыном своим, назначит наследником престола? И если сын родится не похожим на него, не разлюбят ли он меня после того, как узнает правду?

Нектаб был непоколебимым в своей истине:

– О, моя госпожа! Если богам угодно, никто без нужды не узнает непожеланного ему, как не помешает исполнить его желание! Перед свадьбой я приготовлю травяной отвар: подашь Филиппу перед тем, как он возляжет на ваше ложе. Отвар безвреден для здоровья. Дальше – ожидай появления твоего божественного супруга. Он будет в обличье, не страшном и приемлемом для тебя, так как увидеть бога в его подлинном виде никто не может без риска для жизни. Вспомни Семелу*, возлюбленную Зевса! А когда сын ваш родится, Филипп признает его родным сыном и объявит своим наследником. Так желает бог Амон-Ра-Зевс.

Девушка продолжала терзаться в сомнениях.

– Твои речи разрывают моё неисключенное сердце на части, халдей, я не знаю, как быть! Мне трудно отличить правду от выдумки. Но если всё так произойдет, о чем ты говоришь, я буду считать тебя великим халдеем.

– Моя госпожа, успокойся, умоляю тебя, прогони сомнения. Пусть всё исполнится! А про наш разговор никому не рассказывай, даже няне своей Артемисии и тем более Филиппу. Я тоже сохрани твою тайну. Теперь позволь покинуть тебя.

Нектаб с почтением поклонился девушке и вышел. В комнату чуть ли не влетела старая Артемисия, растревоженная присутствием у её воспитанницы ненавистного ей халдея. Няня обеспокоенно заглянула в глаза девушки, пытаясь выяснить, о чем был слишком долгий разговор. Девушка молчала, хотя оставалась в полном смятении и порывалась хоть чем-нибудь поделиться с единственно близким человеком. Удержалась. Няня поняла бесполезность своих усилий, наконец, с распросами отстала и быстро привела Олимпиаду к хорошему настроению: мысли обрели здравый смысл, вернулись в привычное русло – к предстоящей свадьбе и большим надеждам на счастливую семейную жизнь. Внутри же таинственной девичьей души осталось: «Как знать, может, и правда, всё так и произойдёт?»...

Ойкумены – по представлению греков, земля населенная людьми.

Пелла – столица Др. Македонии.

Олимпиада – дочь эпирского царя.

Эпир – эллинистич. гос-во на Сев. Балканского п-ва.

Фракия – историч. область на Ю.-В. Балкан, где проживали варварские племена, на границе с Македонией.

Халдей – представитель ближневосточ. тайных учений, доставшихся от арамейских племен, основателей Др. Вавилона.

Эбеновое дерево – произрастает в Африке, ценная порода черного цвета, тяжелее воды.

Семела – дочь фиванского царя, мать бога Диониса. Зевс посещал её в обличье человека, а она пожелала увидеть его подлинный вид. Связанный обещанием исполнить любое её желание, Зевс появился среди молний и грома, испепелил и Семелу, и дворец, и всё живое, что в нем было.

ЮБИЛЕЙ

ВОИТЕЛЬ И ХРАНИТЕЛЬ СЛОВА

Александр Блок считал, что поэт в своих стихах должен обращаться к Богу. Упаси меня Бог оспаривать русского гения! Уж кто-кто, а Блок не просто знал, что поэты живут по преимуществу на небесах, Блок так и прожил свою недолгую жизнь: подобное небожителство во времена русской смуты не прощается. Если поэты-дворяне былых, более стабильных эпох худо-бедно могли себе позволить игнорировать презренный быт, хотя и платили часто за своё презрение ранней смертью, то сегодня во имя литературы поэт не вправе не замечать презренную реальность, в которой проживает силою жизненных обстоятельств. Воители и хранители русского слова, одним из которых является известный на Кубани и в России сочинский поэт Виталий Серков, вынуждены считаться с обстоятельствами действительности, часто презренными. А потому его стихи не ограничиваются молитвенными обращениями к Богу. У стихов современных русских поэтов наряду с небесным Адресатом и вполне земные адресаты — друг, враг, любимая женщина, малая сельская родина, чахнувшая от небрежения нынешних власть имущих... Однако при этом принципиально важно, чтобы в обращениях к самым разным «адресатам» сохранялось ощущение цельности поэтической природы и поэтического мира автора. Такая цельность — верный показатель, что перед нами природный поэт, а не очередной версификатор — подделка под него. Ну, не может истинный поэт писать мужественные стихи о попанной Родине и одновременно пошло-иронические стишата о любви! Поэтому, решив осмыслить поэтический мир Виталия Серкова предметно и системно, я условно разделил всё, написанное поэтом, на обращения.

И в смысле широты своих адресатов Серков — поэт на редкость разнообразный. При всей своей традиционности и даже устремленности к классичности (взять те же его венки сонетов и акrostихи — ныне почти забытый в современной поэзии жанр), он остро современен, а кое-где и откровенно публицистичен, чего не стесняется. Да и чего стесняться публицистичности тому, кто обладает ярким даром лирика? Виталий Серков не только воитель и хранитель русского слова, он — чуткий художник, способный, говоря его же словами, против ветра на пределе эмоций и сил неуклонно стремиться «к зыбким тайнам словесного зодчества». В одном из стихотворений поэт пишет: «Я в прошлой жизни был художником...». А почему, собственно, был? Художник не должность, но — состояние, не имеющее прошедшего времени. И дело даже не в том, что Виталий Серков виртуозно владеет формой. А в том, что это владение для него не самоцель, а лишь художественное средство найти нужный контекст единственно нужному и возможному в этом контексте слову. В палитре Серкова-художника присутствуют все времена года, при всей очевидности, что любимое время года поэта Серкова — осень, в чём он, пусть да не обидится на меня, не оригинален. Русские поэты разных эпох традиционно предпочитают всем временам багрянородную осень, так повелось еще с Державина и Пушкина. Видимо, это не самое веселое время года, все-таки наиболее созвучно созерцательности русской, а поэтической в особенности, души. Души, никогда не забывающей о конечности земного. Парадокс, что осознание этой конечности не приводит русскую душу в уныние, скорее, наоборот, напоминает ей о другой настоящей небесной жизни.

*Как радостно опять, почувствовав
призвание,
Веревками дождя двенадцать строк
связать,
«Унылая пора! Очей очарованье!» —
За Пушкиным вослед восторженно
сказать!*

В одном из стихотворений автор этой книги называет слова «шалунами», говоря о них как о живых существах, что очень верно и точно по сути. Однако надо заметить, «шалуны» в стихах Серкова подчинены весьма строгой, почти военной, дисципли-

не. Никакой хаотичности слов при всей их шалунистости и свободолобии Серков, поэт гармонии и русского космоса, не позволит. При этом его никак не назовешь «космически» отрешенным и холодным. Окружающая действительность вызывает у автора этой книги самые разные чувства — от неприятия до восхищения, но равнодушные никогда!.. Не потому ли самый обширный пласт поэтического творчества Виталия Серкова, при всей, конечно, условности, моей структуризации написанного поэтом, это стихи-обращения к друзьям. В этих стихах отчетливая интонация исповедальности и доверительности, а порой и вовсе — безоглядная распахнутость. На «вопрос во взгляде друга» Виталий Серков ответит без всяких купюр. Он скажет честно то, что думает. Если надо — защитит и прикроет, но юлить и дипломатничать не станет.

*...Если звать, то зовите для драки,
А не мелкой и грязной возни...*

Строки, поверенные жизнью: Виталий Серков и живет, как пишет. Не суетится, крутясь по разным литгруппировкам. Не мельтешит в плане многопечатания. Спокойно и упорно делает свое дело в том месте России, что судил ему Бог. Чувство товарищества Виталия Серкова сродни тому, о котором писал Гоголь в «Тарасе Бульбе». Серков умеет от души радоваться победам друга. От души огорчается неудачам друга. Он способен говорить с друзьями о наиболее важном, не впадая ни в кликушество уныние, ни в дешевое бодрчество. Один из его «друзей» — вологодская северная родина-глубинка, ибо общение с ней — лучшее лекарство для души («Только Север вылечит меня»). В стихах-обращениях Виталия Серкова к друзьям публицистические мотивы неизбежны. И было бы странно, если бы таковые отсутствовали, «когда повсюду слуги полусвета, // И не в цене поэт и гражданин». Когда

*С экранов не сходят «герои»:
Пронеры, убийцы, ворье.
Как будто мы - жители Трои,
Прославившие счастье свое.*

Впрочем, не только о грустном есть поговорить русским людям... В серии акrostихов, посвященных друзьям — Каберову, Баракову, Каплину, Ивеншеву, Неподобе, Зиновьеву — ёмких и кратких, мы найдем размышления о сентябрьских звездопадах, о тайне творчества, о собственной судьбе: «Кому я нужен здесь, измученный подранок...». Одной этой строкой поэт говорит нам о том явно недружелюбном местном литературном окружении, на которое, похоже, обречен в современном литературном региональном процессе любой талантливый, выбивающийся из серого местного ряда поэт. Говоря откровенно, поэт Серков, как и многие поэты его поколения, живет между самим им обозначенным «наше время прошло» и «наше время еще не настало». В этой ситуации безвременья, как беды своего поколения, Серков понимает, что порой, как на войне, приходится жертвовать собой: «Уходите вперед, я прикрою за вами тылы». Для лирического героя Виталия Серкова это — никакое не геройство, не эффектный жест, но сам собой разумеющийся поступок. При этом, что показательно, лирический герой Виталия Серкова порой склонен быть слишком жестким, а часто и несправедливым по отношению к себе:

*...Но бывшие грехи, словно гири, прилипли
к ногам,*

*И в небесную рать записаться меня не
пускают...*

Какие уж грехи Виталия Серкова не дают ему спокойно спать по ночам, словно он обворовавший Россию олигарх? А дело вовсе не в грехах! Дело в той обостренной совестливости, которой наделен Виталий Серков, когда человек постоянно спрашивает себя: достаточно ли он честен по отношению к Богу, Родине, женщине, друзьям? «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты». Друзья для Серкова — едва ли не в первую очередь ратоборцы: «Ау, ратоборцы! Довольно тоску нагонять, // Сливая в стакан, как в помойку, все лучшие годы...».

Да, воистину это боевое русское братство — товарищество, о котором говорил Гоголь, несомнимое с унылым пьянством.

Я не случайно начал свой обзор стихами-обращениями поэта к друзьям. Многие скажут, что надо было начинать с Бога. Да, именно Он, по убеждению автора, напоминает нам, заблудшим, о том, «о чем веками забывать не надо». Наверное, духовную лирику Серкова надо было поставить во главу угла. Но так надо было поступить, будь Серков одним из тех «конфессиональных приходских» поэтов, у которых чистота ни строчка, то о Боге. Серков категорически не «приходской», он — православный поэт, той негромкой потаенной православностью, что не выставляется напоказ. Как пишет поэт в одном из стихов, обращенных, к посредственному стихотворцу: «Ни «Рождеством», ни «Светлой пасхой» // В твоих стихах не обольщусь. // Я прочитаю их с опаской // И, отложив, перекрещусь». Православность Виталий Серков видит не в частоте употребления православной лексики, а в том, что человек должен в первую очередь ощущать свою изначальную греховность — свою вечную вину и долг «твари» по отношению к Создателю-Творцу. Обращения поэта Серкова к Богу немногочисленны, словно Виталий Серков не хочет докучать Всевышнему, предпочитая в одиночку «перемочь тоску изгоя». Порой обращения поэта к Богу могут показаться настолько неафоризмными, настолько обыденными и даже прозаическими, что кто-то вряд ли бы зачислил стихотворение «Обуяла тоска по родимому дому» в разряд духовной лирики. А я настаиваю на том, что это именно духовное стихотворение. Да, в нём такие прозаизмы сельского быта, как лихо танцуемый танец-трепак под гармошку во Доме культуры. Но в нём и ощущение ветра родины, помогающего сорвавшемуся с ветки листу приземлиться на родную землю. В нём готовность принять любое наказание, если это наказание исходит из рук Бога: «Боже правый, карай чудака!». Молитвы Серкова — не литературный «жанр», не потому ли слово «молитва» почти не встречается в книге. Обращения поэта к Богу — скорее сыновний выдох готовности принять судьбу такой, какой она ниспослана свыше. Стоицизм и смирение перед Высшей Волей — вот что такое стихи-обращения поэта к Богу. Такое смирение тем более русское, что мы, читатели, видим, что по отношению к недостойным людям Серков отнюдь не смирен!

Про стихи-обращения Виталия Серкова к женщине: будь то жена, дочь, знакомая, другие лирические героини-адресаты его стихотворений — скажу только, что нет в этих стихотворениях ни грана пошлости. Зато мальчишеская и чистая, не по-возрасту робость, желание зрелого сильного мужчины защитить женщину — есть. А пошлости нет! Вздрогну и от мыслей ужаснусь. Все идет не кубарем, а прахом. И уже к любимой прикоснусь С юношеским трепетом и страхом.

Показательно в этом плане другое стихотворение, описывающее встречу лирического героя с нравящейся ему женщиной, когда на улице хлещет ливень, и женщина вынуждена задержаться в гостях. Казалось бы, ситуация рискованная, но как красиво и как чисто она подана в стихотворении! Молодым поэтам, заражённым цинизмом, поучиться такой чистоте отношений! Ни слова упрека в адрес женщины не найдешь в лирических стихах Виталия Геннадьевича, а именно это я считаю главным показателем истинной мужественности. Как говорят: если женщина не права, попроси у нее прощения. И это так на самом деле, потому что в любой ошибке женщины, как ни крути, виноваты мы, мужчины. Лирический герой стихов поэта изначально берёт вину за всё на себя одного. Любовной лирике Серкова свойственны напевность, даже романсовость, понимание причудливой женской души, ощущение родственности душ: Утро глянет светлеющим оком. Ветер станет калитку качать. О любви, о разлуке, о многом Мы, счастливые, будем молчать.

Прямо скажем, любовная лирика не доминирует в этой книге. Видимо, потому, что

о любви лирический герой Виталия Серкова предпочитает молчать по принципу Шекспира: «Я не хочу хвалить любовь мою, // Я никому ее не продаю!». Венок сонетов «Распад» я бы всё-таки отнес к категории любовной лирики, ибо в нём изнутри показана в числе прочего и любовь и судьба жены поэта. Показана психология этого совершенно особого рода женщин, призванных быть творческому человеку-мужу не только музой, но и если понадобится — опорой, матерью, дочерью, защитницей, утешительницей, помощницей, а порой, чего уж греха таить, и жилеткой для скупых мужских слез, неизбежных в жизни каждого настоящего творца.

Ещё одна грань серковского таланта мне близка особенно, про неё не могу не сказать, хотя заранее принимаю упреки в том, что тяну одеяло на себя. Точнее на русское село, представителем коего являюсь. Но для меня во многом показательны и то, как писатель пишет о сельской русской глубинке.

Либо это ирония и сарказм либерала, либо сусальное умиление русской деревней. Как некой полудурочкой. Либо, как в случае с Серковым, сыновняя любовь и вытекающая из этой любви нутряная боль при виде того, что стало с русским селом. Да, Серкова-поэта не отнесешь к разряду «деревенщиков». Но крепкие корни русской вологодской глубинки держат его душу во времени и в пространстве. В одном из его стихотворений-обращений к друзьям читаю:

Налился колос - стебли гнутыя.

Их все труднее поднимать.

И мужики в сердцах ругнутся

И в «мать», и даже в «перемать».

С утра заедут и с обеда,

И так и сья пытаются жать...

*«Все, братцы, песня наша спета,
Без комбикорма скот держать!...»*

Сколь ни пытайся, этой тайны

Мне не раскрыть за жизнь мою:

Тридцатилетние комбайны,

Буксы, едут по живью...

Стихотворение, написанное, что говорит-ся, с натуры. С печальной и повсеместной будь то Вологодчина или Самарский край — натуры.

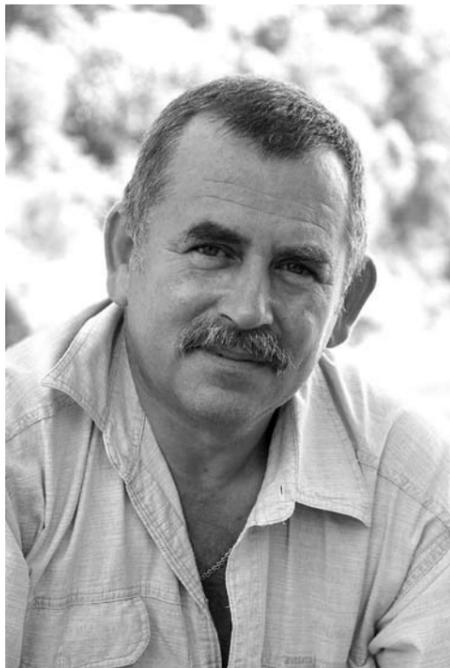
Я разделил стихи Серкова на разные обращения, чтобы стала еще явнее его творческая и личностная цельность. А она в том, что Серков смирен перед Богом. Целомудрен по отношению к женщине. Готов голову сложить за други своя. Бескомпромиссен в отношении врагов России. Кто-то назовет Виталия Геннадьевича Серкова оппозиционным поэтом. Категорически с этим не соглашусь! Говоря о русских поэтах, что они оппозиционные, мы тем самым косвенно признаем, что русский человек не вправе любить свое, русское. Какую путаницу посеяли либеральные идеологи, внушив, что патриот России должен любить Америку! А если он любит Россию — он оппозиционер. А разве не наоборот? Я знаю Виталия Серкова только по его произведениям. Познакомиться лично Бог нам пока не судил. Литературное поле России, похожее на поле после битвы, материальная наша скудность — какая уж тут «роскошь общения»? Но есть главное — творчество, есть стихи, которые, правда, Краснодарская писательская власть не очень что-то спешит издавать за региональный счет, как стихи Серкова того заслуживают. Видимо, будь у Серкова позвоночник погибче, глядишь, и удалось бы ему войти в число издаваемых-переиздаваемых за госсчет писателей. Впрочем, региональные кубанские литературы для меня, писателя из другого региона, мало интересны. Я, как читатель и как писатель, знаю, что за много тысяч километров от Самарского края живет и пишет настоящие талантливые стихи о русской боли и любви русский поэт Виталий Серков. И желаю ему оставаться всегда собой и идти вперед к победе русского духа.

Эдуард АНАШКИН,
член Союза писателей России,
Самарская область

ЮБИЛЕЙ

Виталий Серков

Горький жребий выпал в смене дней:
До озноба сомневаться в праве
Говорить от имени теней
Под луной в серебряной оправе.

Слушать бредни сереньких вождей,
Возлюбивших злато лютых наций
И живущих в мареве идей
И в плену чужих галлюцинаций.

Но нельзя не верить, не любить,
Не внимать таинственному пенью.
А поэтом быть или не быть? —
Одному известно провиденью...

Голубем в окно стучится ночь,
Превращаясь в чёрную ворону.
Чем же я смогу тебе помочь?
Разве — тишину твою не трону.

Погляжу сквозь толстое стекло,
Взглядом крылья трепетно поглажу
И увижу: время потекло,
Унося житейскую поклажу.

Вместе с ним и мне по жизни течь,
Суету вовек возненавидев,
И пытаться душу уберечь,
Никого напрасно не обидев.

Посеяв мрак и неуют,
Агенты платные спуют —
Их радует беда.
Народ же учат водку пить,
В надежде память оскопить.
Не выйдет, господи!

На порубежье двух эпох
Мы возродимся, видит Бог,
Поднимемся с колен.
У нас есть Пушкин и Рубцов,
За дедов гордость и отцов.
Всё остальное — тлен.

Пьяна Россия и гола,
Но зазвонят колокола —
Сомкнётся цепь веков.
И, как бывало много раз,
По свету вновь развеет вас
Обрывками оков.

Россия — странная страна.
Хоть долго ладит стремена,
Но пустится в намёт —
«У ней особенная стать»,
Посторонись с дороги тать —
Нечаянно помнёт.

*Не жалею, не зову, не плачу...
...Жизнь моя, иль ты приснилась мне?..*
С. Есенин

И жалею, и зову, и даже плачу,
И сгораю в лихорадочном огне,
Но судьбу я нынче не переиначу,
Лишь вздохну тайком: «Иль ты
приснилась мне?»

И живу опять, как будто в зазеркалье,
А верней — в чужой стране кривых зеркал,
Где в почёте единение шакалье
И повадки воровские, и оскал.

Нереальность бытия лишает силы,
Чьи-то дьявольские замыслы верша,
И ничтожные правители России
Справедливость пожирают, словно ржа.

Ох, пора бы эту нечисть ураганом
Возмущения народного смести,
А иначе — каждый третий «уркаганом»
Пожелает стать, о, Господи, прости!

Пожелает, ни о чём уж не жалея,
Не сгорая в лихорадочном огне,
Потому я, от отчаянья шалея,
И шепчу судьбе: «Иль ты
приснилась мне?»

Я не молился ни пальме, ни юкке,
Ни экзотичным заморским кустам;
Слово любви не рождалось о юге,
Грусть о былом прикипала к устам.

Снились мне Севера хляби и дали,
Вьюги манили и белая ночь,
И журавли надо мною рыдали,
Словно жалели, что нечем помочь.

Дни улетучились дымом из сакли,
Но не кляню я судьбину свою,
Просто надежды вернуться иссякли,
И на распутье, как прежде, стою.

Да и пора уж, пожалуй, признаться,
Что проворонил я жизнь, ротозей:
Рано начав за химерами гнаться,
Нажил врагов и не нажил друзей.

Птичка чирикнула где-то в кустах,
То ли от радости, то ли от страха —
Звук восхищенья застыл на устах,
И на спине шевельнулась рубаха.

Экая невидаль — птичка в кустах?!
...Всё же застыли слова на устах.

Чаша луны в тишине растворилась,
Словно и не было в небе луны,
Крыша под инеем засеребрилась,
И поседели под ним валуны.

Экая невидаль — чаша луны?!
...Да заиграли слова-шалуны.

Зябко утрами ноябрьскими стало.
«Скоро ведь нечего будет клевать
Местным пичугам, — подумал устало, —
Вряд ли им хочется околевать...»

Что и за невидаль — холодно стало?!
Что и за невидаль — солнышко встало,
Кошка на кресле мякнула мило?!
...А под лопаткою вдруг защемило.

Мысль почти не движется,
Чувства не бодрят,
Ничего не пишется
Сорок дней подряд.

Грубости аукнулось —
Вылетев, словцо
Лишней буквой стукнулось
Больно о крыльцо.

Разбежались буковки,
Кто куда, по рву...
Жду и с горя пуговки
Ворота не рву.

Хоть натура мается,
Верю, что не зря,
С кровью поднимается
Новая заря...

Неделями безумствуют поэты, —
Туда влечёт их, где надгробий плиты, —
Как будто ищут древние заветы,
Горюя о предательстве элиты.

И веря, что до сердца достучаться
Лишь им дано умение и право,
На тройках по Руси былинной мчатся
И держатся уверенно и браво.

Но, чувствуя, что местность нежилая,
Пытаются незримое увидеть,

В реальность возвращаться не желая,
Где надо и любить, и ненавидеть...

Застань меня заря нагим —
Я б не был в краску вогнан,
Но журавли, даря нам гимн,
Заглядывали в окна.

Ещё твоя дрожала бровь,
Ещё глаза горели,
И нашу позднюю любовь
Те птицы подсмотрели.

Была их песня высока,
Чиста, как Божья милость,
И ты, смущённая слегка,
Простынку укрылась.

Если даже от боли завою,
Если душу огнём обожгли,
Отпускаю обиды на волю —
Пусть уходят, откуда пришли.

Не грешу я и праведной мезью —
Всех обидчиков не перечесть.
Утешаюсь хорошо вестью,
Опираясь на веру и честь.

«Честь имею!» — слова не пустые,
И порой застывают уста,
Если заросли мыслей густые
Не становятся выше куста.

Не читается и не пишется,
Даже думать о чём-то лень.
Занавеска слегка колышется.
Всё одно мне: что ночь, что день.

Во спасение печка топится,
И мигают в ней угольки.
А в душе моей что-то копится,
Заполняя все уголки.

Терпеливо жду — пусть расселится...
Догорит в печи головня,
И печаль моя вновь рассеется,
Ни за что меня не вина.

Всё заходит вокруг да около,
Чувства новые забредут,
И взлетят слова ясным соколом,
И значение обретут.

Очертания корпуса строги,
А луна — примостилась на крыше.
Я ловлю промелькнувшие строки
В голове или где-то повыше.

Потянувшись, собака зевнула,
Отряхнулась и спряталась в будку.
Что ж ты, жизнь, так меня обманула,
Превратив бытие моё в шутку?

Так давай же с тобой поиграем
В кошки-мышки, а может быть — в прятки.
На краю я бывал, а за краем
Мне пока не знакомы порядки...

У Пушкина и Блока
Учись дерзать в тиши
И, коль дано от Бога,
Лелей полёт души.

Воспой родные сени
И драки диких псов
Не хуже, чем Есенин
И Николай Рубцов.

Под солнцем и под тучей
Ищи и тень, и свет.
Ведь так творили Тютчев
И Афанасий Фет.

Любовью голубиной
Пусть образы горят.
С поэзией глубинной
Ты встанешь с ними в ряд.

Я выбирал пути окольные,
Чтоб убежать от суеты,

И шёл на звоны колокольные,
На православные кресты.

Не потому, что верил истово
В судьбу, в себя и в чудеса, —
Я шёл в края, где неба мглистого
Ложилась кромка на леса.

Там было многое оставлено,
А если точно — часть души.
Она вдали вздыхала сдавленно,
Она ждала меня в глуши.

Я знал: душа не испугается
Милитву тайно совершить.
Она не раз ещё покается,
Чтоб завтра снова согрешить.

Плывут по лужам седые листья,
И небо плачет который день,
И мне уж кажется: помолись я —
Покинет землю сырая тень.

А солнце снова свои ресницы
Поднимет радостно и светло,
И защечечут в кустах синицы,
И вновь поднимутся на крыло.

Но между вымокшими домами,
Грустя о прошлом, услышал я
Навек простуженный голос мамы —
И застонала душа моя.

Лишь запечалюсь — и сразу знаки
Она заботливо подаёт:
То вой поднимут в ночи собаки,
То ветер жалобно запоёт...

Голос свыше умолк, не диктует ни звука.
В тишине затаился я, видимо, зря.
Птичий щёлк-перещёлк да сопение внука —
Вот и всё, что мне дарят и ночь, и заря.

И зови не зови — шепоток не вернётся.
Только трепет в крови обозначит порог,
За которым душа в три погибели гнётся,
И, как маятник, сердце считает мой срок.

Не слагал я о жизни печальную повесть,
Хоть вривались в стихи и печали, и плач,
И не знал до сих пор, что бессонницей совесть
Может рвать мои нервы, как лютый палач.

Путь мой долог, да посох короток —
Поистёрся, дороги торя —
Потому-то и грустен, и кроток
Я бываю в конце ноября.

Осень жизни — суровое время,
Но печаль не случайно светла:
Откровения брошено семя,
И душа не сгорела дотла.

Крепок посох пока что — и ладно,
Не прогнулся, в дорогу маня.
Я творил и любил безоглядно,
И за это любили меня.

Пусть не раз обречённо покаюсь
И тревожно в ночи запою,
Но от прошлого не отрекаюсь —
Не коверкаю душу свою.

Пусть дожди будут нудные литься,
Пусть листву обрывают ветра,
А в душе будет длиться и длиться
Всё, что светлым казалось вчера.

Что из того, что в этом городе
меня не знают как поэта?
Что из того, что мне на голову
и ложь обрушилась, и спесь?
Лишь усмехнусь порой: на вороте
недолго виснет скверна эта,
Но прозвучит ещё со временем
моя задумчивая песня.

Есть у поэта право редкое:
любя людей, искать «затвора»
И мимоходом думать: «Горя-то —
толпой тщеславною забыть!..»,
И, переплавив слово едкое
на остриё стрелы для вора,
Лишь огорчится: «В этом городе
меня вот-вот раздавит быт».

Цветение души

Как-то раз в весеннем Сочи на улице Платановая аллея я вдруг услышал пение соловья. Это было чудо, наваждение... Среди грохота и лязга железного потока, в сером чаду выхлопных газов из цветущих кустов доносились хрустально чистые рулады пернатого Орфея.

Но, как всегда, спешили по своим делам прохожие, пронеслось мимо пахнущие бензином машинное стадо, тревожно взвизгивали тормоза и сирены неотложки, — певца никто не слушал. А он всё пел. И подумалось: какое бесстрашие, какая отвага! Он словно бы протестовал против безумной спешки нашего суетливого, опасно меркантильного века...

Давний соловей вспомнился мне, когда я прочёл полные горечи строки из новой книги сочинской поэтессы Аллы Кобаидзе «Голос родимой земли»:

**Зло за зло — во сто крат.
Только плесени серой
Так вольготно живётся
на злобе людской.
Осмеянье любви, осмеяние веры...
Смотрит небо на нас с челоуечьей
тоской.**

Это из стихотворения «Крик», которое предупреждает: осторожнее люди, погасите безумную скорость, впереди — опасность. Не слышат. И уже трудно петь. Порой охватывает отчаяние: «Вот теперь, среди этого разбоя/ Я стою. Мне страшно стало вдруг:/ Вместо нивы — поле, поле боя./ Словно время выпало из рук...»

Похожие чувства владели мной, когда я проезжал по синим просторам Средне-Русской равнины. Покосившиеся избушки,

вороньи стаи, опустевшие, полуразрушенные фермы, заросшие сорняками поля... И звучали в душе печальные строки Аллы Кобаидзе: «Оскудели сердца. Только стая ворон/ Предрекает, ликуя, расплату./ Не к распаду ли мчит небо наших времён,/ Царство тлена и царство разврата?..»

Кто-то из великих, на мой взгляд, точно сказал: поэт — это чувствительное лицо мира. И то, что случается со всей страной, непременно находит отклик в его чутком, отзывчивом сердце.

Но не безнадежная грусть-тоска является доминантой творчества сочинской поэтессы. Она — истинное «дитя добра и света», как некогда определил главную ипостась поэта Александр Блок. Музыкальным и смысловым контрапунктом всех её стихов, безусловно, является Любовь. Это любовь к природе, мужчине, к родному Сочи, к России, наконец, и, может, главное, всепоглощающее, почти мистическое чувство преклонения перед творческой силой самой жизни. Только из тайны неизречённого могут появиться строки, которые мы называем поэзией. По определению В. Маяковского «поэзия вся — езда в незнание». Но подобная езда невозможна без контролирующей воли творца.

Порой спонтанность, стихийность творчества Аллы Кобаидзе оставляет впечатление торопливости, и тогда хорошее стихотворение становится похожим на алмаз, не прошедший огранки. До некоторой степени это понятно: автор не профессиональный литератор, утомлённый мишурным блеском славы и телеуспехов. Кроме трудного дела — извлекать из нашей суетной жизни гармонию, она ещё и... Впрочем, — ей слово, ведь

у настоящего поэта вся жизнь запечатлена в его стихах:

**Мать трёх дочек я, и жена,
Зоотехник, эколог и лирик...
И отвечу за всё сполна...**

Тёплая ирония этой строфы сменяется признанием в любви... лесному роднику, за которым угадывается любимый человек: «Ты — мой родник! Тебя я пью горстями, / Спасай от жажды, исцеляй меня, / Недаром ты уходишь вглубь корнями, / Как Родина, родное и родня».

Поражают обжигающие страстью строки о противоречивых чувствах лирической героини в момент разлуки. Она умоляет любимого уйти, но руки выдают её истинное желание:

**«Уходи! — говорю, — уходи!»
Только руки рванулись навстречу,
Обвились, все пути преградив,
И притих растерявшийся вечер...**

Известно, что поэт становится популярным лишь после того, как его признает главный Читатель и Критик-народ. Ни блестящая эрудиция, ни тончайшие словесные кружева, ни рафинированная версификация не спасут от забвения стихи, в которых отсутствует живая душа.

Вершина — когда поэтический дар не ходит признание равно: как у дворника, так и у академика. Тут необходима есенинская распахнутость души, безоглядная искренность и любовь — любовь к людям и родной земле. Всё это я нашёл в стихах Аллы Кобаидзе.

Скажут: стих её нередко грешит ритмическими сбоями, небрежностью в выборе метафор, слабостью рифмы. Согласен. Но и цветущее дерево, к примеру, не лишено застрявшей прошлогодней листвы и сухих веточек. Есть в книгах Аллы Кобаидзе главное качество поэзии — цветение души.

Не поэтому ли так охотно идут на её поэтические вечера сочинцы и гости города-курорта, приезжающие со всех концов страны. Как-то мне сподобилось присутствовать на её выступлении в санатории «Светлана». Это был воистину праздник души. Вдохновенно читая свои стихи и попутно с лёгким юмором рассказывая о своей повседневной жизни, поэтесса буквально очаровала аудиторию. Ни одной фальшивой ноты. Иногда она включала магнитофон, и мы слушали прекрасные песни профессиональных композиторов, написанные на её певучие стихи.

По окончании вечера люди потянулись не к выходу, а к ней, Алле Кобаидзе, с вопросом: где можно купить её книги. Духовный авитаминоз!.. Многие из них оставили в заветной тетради поэтессы сердечные слова благодарности. «Были бы очень признательны иметь эту радость общения, но уже в Петербурге. Многие люди нуждаются в Вашей поэзии.» (Галина и Виктор Балацкие). «Вы дали нам урок доброты, урок любви к людям, к природе, ко всему миру». (Л. Борисова, сочинская школа №3). «Сегодня своим творчеством Вы возрождаете душу России, силу её...» (семья Орлик, г. Коломна, Московская обл.) Подобными записями можно заполнить целую газетную полосу.

Когда мы, простившись с поэтессой, выходили из санатория «Светлана» на вешний чадающий моторами Курортный проспект, мне снова вспомнился тот отважный пернатый Орфей и подумалось: соловьиная песня необорима и вечна, как сама жизнь...

Иван МАШИН,
член Союза писателей России.

Шмигидина Екатерина, ЛТО «Слово» Армавир

Разметался локон —
Дочка засыпает.
Ветры мимо окон
Тёплые летают.

Пролетят — остынут.
Тишине — раздолье.
Что проходит мимо —
Отдаётся больно.

Лебединой песней
Сердце рвёт на части.
Как в далеком детстве,
Дождаясь счастья.

Родные ссорятся —
Жестоко, злобно,
А Богородица
Всё видит в окна.

Родные ссорятся —
Прости их, Боже,
А Богородица
Глядит всё строже.

Родные ссорятся.
Теперь — навеки.

У Богородицы
влажнеют веки.

Бросьте в воду беду
Не жалея.
Ей у всех на виду
Тяжелее.

С ней молчать нелегко —
Давит сердце.
Далеко-далеко
Наше детство.

Пожалеться бы там...
Там ли, здесь ли?
Видно, грустные нам
Пелись песни.

Подхватили ветра
Звуки эти.
И опять до утра
Снились дети.

Откуда всё — стихи и проза,
И червь сомнений каждый раз,
Когда над рифмой угроза,
А рядом «топчется» Пегас.
Когда волнение от смысла
Уводят блажь и суета,
А строчка в воздухе повисла,

И не подводится черта.
Не торопись оставить дело.
Строка сама тебя найдёт
Чтоб Слово душу не разъяло,
А поднимало до высот.

ДВАЖДЫ ЛЮБИТЬ — НЕ ДАНО.

Запах акаций мирный и сладкий —
Вот они, кров мой и кровь.
Тёплых соцветий коснешься украдкой —
Что ещё вспомнится вновь?

Память и время не знают границы,
Нас возвращая домой,
Чтобы воды родниковой напиться,
Свежей, кубанской, родной.

Город любимый,
здесь каждое сердце
Бьётся с твоим заодно.
И никуда мне отсюда не деться —
Дважды любить — не дано.

Наивность не меняю на обман.
Сочится кровь.
Она от свежих ран.
Не выставлю больное напоказ.
Через туман пройду.
В который раз,

О подлости рассказ не напишу.

Вершится суд.
Не я его вершу.

Легко сгорают ветхие мосты.
Мои шаги и помыслы — чисты.
Я осень на руках несу домой,
Кружится лист,
он гонится за мной,
Чтоб возратить ушедшее тепло,
Что лишь на время
ветром унесло.

Как тебя мне не хватает...

Тает время.

Сердце тает.
Август яблоком хрустит.
Где-то девочка мечтает.
Мать — о дочери грустит.

Взгляд рисует детский профиль,
Будто гладит прядь волос,
А душа о встрече просит —
Ей сегодня не до слёз.

Впереди, походкой лета,
Осень прячется в леса.
Сниться море.
До рассвета
Сняться дочкины глаза.